

Д.В. Колыхалов, К.А. Павлинов

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ

Аннотация. В статье отражена ретроспектива изменений понятия «преступление», подходов к наказанию преступника в процессе развития зарубежного и российского государства и права. Делается вывод о том, что история уголовного наказания не представляет собой непрерывного прогресса от замены негуманных средств социального контроля на более гуманные, что необходима более интенсивная уголовно-правовая защита морально-нравственных ценностей с учетом советского, китайского опыта и складывающихся реалий.

Ключевые слова: преступление, наказание, Салическая правда, Саксонская правда, Русская правда, Каролина, Танский Кодекс, УК РСФСР, штраф, смертная казнь, мораль, современное уголовное законодательство, история развития наказания.

D.V. Kolykhalov, K.A. Pavlinov

DOMESTIC AND FOREIGN HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF INSTITUTIONS OF CRIME AND PUNISHMENT

Abstract. The article reflects a retrospective modification of the concept of «crime», a change in approaches to the punishment of a criminal in the process of the development of foreign law and Russian state and society. The authors conclude that the history of criminal punishment does not represent continuous progress from the replacement of inhumane means of social control with more humane ones and substantiate the need for more intensive criminal legal protection of moral values, taking into account the Soviet, Chinese experience and emerging realities.

Keywords: crime, punishment, Lex Salica, Lex Saxonum, Pravda Russkaia, Constitutio Criminalis Carolina, Tang Code, the Russian Criminal Code, fine, death penalty, morality, modern criminal legislation, history of punishment development.

Понятие «преступление» – историческая категория, оно возникает с появлением государства и надстройки в виде права.

Интерес вызывает не только генезис, но и трансформация понятия «преступление», изменение подходов к наказанию преступника в процессе исторического развития зарубежного и российского права и государства.

Цель и задачи статьи заключаются в анализе правовых памятников прошлых эпох, в демонстрации классового характера уголовной политики на всем протяжении

исторического развития зарубежных государств и России, в систематизации представлений о границах преступного и наказуемого, в выявлении исторических закономерностей и тенденций развития институтов «преступления» и «наказания», роли и специфики наказания, средств его индивидуализации в Древнем мире, в Средневековье, в Новое и Новейшее время, в выработке рекомендаций современному отечественному законодателю.

В уголовном законодательстве рабовладельческого и феодального государства

Колыхалов Дмитрий Владимирович

кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры государственного строительства и права, Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва. Сфера научных интересов: история государства и права России, история государства и права зарубежных стран. Автор более 15 опубликованных научных работ. SPIN-код: 2463-7040, AuthorID: 348402.

Электронный адрес: kolykhalov@list.ru

Павлинов Кирилл Андреевич

студент, Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва. Сфера научных интересов: история государства и права, теория государства и права, конституционное право, уголовное право.

Электронный адрес: team05.inc@yandex.ru

даже самые тяжкие посягательства на личность раба не были наказуемы. Так, рабы в *Салической правде* (V–VI вв.) рассматривались в качестве предмета кражи, то есть наравне с имуществом. Для эпохи Салической правды следует отметить достаточно высокий уровень законодательной техники с точки зрения дифференциации уголовной ответственности и наказания за различные преступления, в первую очередь за кражи, похищения, грабежи, оскорбления, посягательства на жизнь и здоровье.

Несмотря на то что основным и почти единственным наказанием за все преступления выступал штраф (только когда раб был субъектом преступления, то устанавливались телесные наказания плетью либо смерть), его размер зависел от многих обстоятельств. Так, в частности, за детоубийство размер штрафа зависел от круга потерпевших (наибольший штраф – за лишение жизни беременной женщины и неродившегося дитя, меньший по размеру штраф назначался, когда потерпевшим являлся мальчик или свободная девушка). В свою очередь, оскорбление, например, делилось в зависимости от того слова, которым именовали потерпевшего: волком либо зайцем, либо блудницей [1].

Такой правовой памятник Франкского государства, как *Саксонская правда* (VIII–IX вв.), предусматривал безальтернативное самое строгое наказание – «плата жизнью» за наиболее распространенные преступления, будь то убийство господина либо кража улья или четырехлетнего быка [1, с. 261–262].

Развернутая система безальтернативного, дифференцированного наказания в виде штрафов за посягательства на жизнь и здоровье нашла отражение и в *Русской Правде* (XI в.). В частности, за убитого взыскивалось 40 гривен, за потерявшего руку или ставшего хромым вследствие насильственных действий также взыскивалось 40 гривен, за отсечение пальца размер штрафа составлял 3 гривны, за угрозу применения оружия должны были платить 1 гривну. При этом нужно иметь в виду что уголовно-правовое воздействие применялось только в том случае, если потерпевший не смог отомстить за себя или никто из близких не стал мстить за убитого.

Классово-сословная сущность уголовного права на Руси проявлялась в разных подходах к преступлениям против жизни и наказаниям за них: за убийство огнищанина, старшего конюха, княжеского тиуна

с убийцы взыскивалось 80 гривен, за убийство княжеского рядовича, смерда или холопа – лишь 5 гривен [2].

Классовый характер преступления и наказания был ярко выражен в правовом памятнике западной юридической мысли – *Каролине*, уголовно-судебном уложении 1532 года Священной Римской империи. Согласно его нормам знатное лицо, совершившее кражу открыто, в отличие от других лиц, выставляемых к позорному столбу и изгоняемых из страны, могло быть подвергнуто лишь гражданско-правовому наказанию (например, выплатить кратную компенсацию потерпевшему). Отметим характерную для Каролины основательную разработку уголовно-правовых институтов (в том числе необходимой обороны), скрупулёзное конструирование отдельных составов. Например, была детально регламентирована ответственность за кражи: за мелкую – наказание в 5 гульденов, за более тяжёлую, совершенную в первый раз открыто, при которой вор был окликнут, то есть фактически за грабеж, – наказание в виде выставления к позорному столбу и розги; за совершенную в первый раз путем вторжения или взлома, в том числе с оружием, то есть, по существу, за разбой – повешенье, выкалывание глаз, отсечение руки; за повторную кражу, кражу в третий раз, именуемую многократной – смертная казнь [1, с. 320].

В эпоху Средневековья в Европе доминировала религия, христианство; каноническое право было проникнуто духом ветхозаветной мести за оскорбление Божеского величия, а не стремлением утвердить христианские добродетели. Преступления рассматривались как смертные грехи.

В *Танском кодексе* средневекового Китая само понятие «преступление» было связано с конфуцианским постулатом о необходимости восстановления гармонии в мире. В це-

лом кодекс воспринял идеологию ортодоксального конфуцианства и основывался на вере в эффективность моральных устоев [3, с. 626]. Даже применение обычного наказания считалось недостижимой компенсацией «нарушенной гармонии» при совершении особо «нетерпимых» антигосударственных преступлений, требующих принятия чрезвычайных мер, таких как общественная ответственность, незамедлительное вынесение приговора. Танским кодексом оптимально соизмерялись тяжесть преступления и урона, нанесенного гармонии.

Доминирующие нормы китайского уголовного права применялись не только в случае совершения преступления, но и при простом нарушении морали. Примером может служить положение Танского кодекса, предусматривающее наказание в виде битья палками за абстрактное нарушение моральной нормы, «за то, что не следует делать».

Классификация преступлений также строилась в зависимости от конфуцианской морали и покоилась на концепции 10 «злодеяний». К первому злодеянию относились «умысел восстания», «заговор о мятеже». Далее следовал «умысел великого непокорства» и «умысел измены», выражающийся в разрушении храмов, дворца императора, переходе на сторону врага. За подобные деяния предусматривалось наказание в виде смертной казни. Четвертое злодеяние именовалось как «злостная строптивость» – преступления против близких родственников. Пятое носило название «бесчеловечность» – преступления, совершаемые с особой жестокостью (убийство в одной семье трех человек) [3, с. 629–632].

Обращаясь к истории царской России, отметим, что русские помещики наказывали своих крепостных крестьян за что хотели и как хотели. А.Н. Радищев писал:

Отечественная и зарубежная история развития институтов преступления
и наказания

«Помещик в отношении крестьянина есть законодатель, судья, исполнитель своего решения» [4]. Произвол, бесправное положение части населения, социально-экономическая обстановка того периода радикализировали общественное сознание и подталкивали к антигосударственным выступлениям. Так, в 1850–1860-е годы нарастало число волнений крепостных крестьян, которые подавлялись не только уголовно-правовой репрессией, наказанием, но и с помощью военной силы [5].

Классовый характер уголовного закона ярко проявлялся и в буржуазном обществе XIX–XX вв. Он нашел отражение в известном утверждении М. Твена: «Если вы украли доллар, то вас посадят в тюрьму, а если вы украдете железную дорогу – вас сделают сенатором».

Вовсе не признавали преступлениями свои злодеяния фашистские захватчики на советской земле.

Не признает своих преступлений американский империализм, начинающий менять карту мирового устройства сразу после окончания Второй мировой войны во Вьетнаме в 1965–1973 гг., в Ираке в 2003–2011 гг., в Ливии в 2011 году.

В СССР преступность и преступления воспринимались как отдельные пережитки прошлого, как рудименты буржуазного периода. Правопорядок, как и само понятие «преступление», устанавливался «рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени» (ст. 6 УК РСФСР 1926 года) [6]. Но признаки преступления закреплялись те же, что и сегодня: общественная опасность, противоправность, виновность, наказуемость.

Уголовные законы социалистического государства, признавая определенное поведение преступлением, вместе с тем содержали и его отрицательную моральную оценку всем обществом. Например, до 1956 года существовала уголовная ответственность за прогул, за недонесение о преступлениях, в том числе о краже государственного имущества рецидивистом или в крупном размере (ст. 190 УК РСФСР 1960 г.), за занятие бродяжничеством или попрошайничеством либо ведение иного паразитического образа жизни (ст. 209 УК РСФСР 1960 г.) [7].

Отличие кодифицированных актов современного периода развития государства от советского этапа, от права социалистической формации, заключается в иной иерархии приоритетов объектов уголовно-правовой охраны («личность–общество–государство» вместо прежней «государство–общество–личность»), в кардинально других подходах к уголовно-правовой охране собственности (в РСФСР и СССР приоритет отдавался защите государственной собственности, тогда как УК РФ, вслед за Конституцией РФ, зафиксировал равенство охраны всех форм собственности).

Главным же отличительным признаком содержания УК РФ выступает не специфичный круг норм, институтов или исходных начал, а *пробелы правового регулирования*. Например, несмотря на очевидные отступления от принципов законности в процессе массовой и последующей приватизации 1992–1997 гг.¹ (она проходила не на основании закона «О приватизации», а по Указам Президента РФ), в УК РФ так и не появились уголовно-правовые нормы, устанавли-

¹ Если в первой половине 1990-х гг. количество ежегодно приватизируемых предприятий исчислялось десятками тысяч, то начиная с 1996 года оно стало составлять менее 5 тыс. [8, с. 13].

ливающие ответственность за грубейшие нарушения правовых предписаний.

Принятые в 1996 году УК РФ и в 1994 году ГК РФ были призваны закрепить «статус-кво» зарождавшихся и развивающихся рыночных отношений в Российской Федерации. Данную задачу они выполнили и продолжают выполнять (например, сохраняется специфика регулирования экстремизма и преступлений в сфере предпринимательской деятельности).

В заключение отметим, что с развитием государства, со становлением и совершенствованием правовой системы наказание оставалось основным средством борьбы с преступностью; конфликт, порожденный преступлением, должен был быть завершен прежде всего наказанием. Область ка-

рательных мер находила свои пределы в тех благах, которые государство могло отнять у преступника или ограничить в них: лишение жизни, причинение физического страдания, лишение свободы, поражение чести и правоспособности, уменьшение или лишение имущества [9, с. 100]. Однако, как подтвердил анализ, история уголовного наказания не представляет собой непрерывного прогресса от замены негуманных средств социального контроля на более гуманные.

В настоящее время, с учетом советского и зарубежного, прежде всего китайского, опыта, а также складывающихся реалий необходима более интенсивная уголовно-правовая защита морально-нравственных ценностей.

Литература

1. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран : Учебное пособие : В 2 т. Т. 1 / Под ред. К.И. Батыра и Е.В. Поликарповой. М. : Проспект, 2024. 392 с. ISBN 978-5-392-14386-3.
2. Русская Правда (Краткая редакция) / Пер. Б.Б. Кафенгауза // Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России. М. : Проспект, 1997. 472 с.
3. История государства и права зарубежных стран : учебник : В 2 т. Т. 1 : Древний мир и средние века / Отв. ред. Крашенинников Н., Жидков О. 3-е изд. М. : Норма, 2009. 719 с. ISBN 978-5-89123-870-1.
4. Курс советского уголовного права: В 6 т. Часть Общая. Т. II – Преступление / Институт государства и права Академии наук СССР. М. : Наука, 1970.
5. Крестьянское движение в России в 1857 – мае 1861 гг. : Сб. документов / Под ред. С.Б. Окуня, К.В. Сивкова. М. : Изд-во социально-экономической литературы, 1963. 882 с.
6. Уголовный кодекс РСФСР. М. : Госюриздат, 1952. 128 с.
7. Уголовный кодекс РСФСР. М. : Спарк, 1996. 152 с. ISBN 5-87143-010-8.
8. Приватизация в современном мире: теория, эмпирика, «новое измерение для России»: В 2 т. / А.Д. Радыгин, Р.М. Энгов, Г.Н. Мальгинов и др. М. : Дело РАНХиГС, 2014. 488 с. ISBN 978-5-7749-0891-2. EDN TUOIPX.
9. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции : Часть общая : В 2 т. Т. 2. М. : Наука, 1994. 393 с. ISBN 5-02-012940-2.

References

1. Batyr K.I., Polikarpova E.V. (Eds) (2024) *Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava zarubezhnykh stran* [Anthology of the history of state and law of foreign countries] : Textbook : In 2 vols. Vol. 1. Moscow : Prospekt Publ. 392 p. ISBN 978-5-392-14386-3. (In Russian).

Отечественная и зарубежная история развития институтов преступления
и наказания

2. Russkaia Pravda (Brief edition). Transl. by B.B. Kafengauz. In: Titov Yu.P. (1997) *Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava Rossii* [Anthology of the Russian State and Law]. Moscow : Prospekt Publ. 472 p. (In Russian).
3. Krashennnikov N., Zhidkov O. (Eds) (2009) *Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnykh stran* [History of the state and law of foreign countries] : Textbook : In 2 vols. Vol. 1: Ancient World and Middle Ages. 3rd edition. Moscow : Norma Publ. 719 p. ISBN 978-5-89123-870-1. (In Russian).
4. *Kurs sovetskogo ugolovnoogo prava* [Course of the Soviet Criminal Law] : General Part. Vol. II – Crime. Institute of State and Law of the Academy of Sciences of the USSR. Moscow : Nauka Publ., 1970. (In Russian).
5. Okun S.B., Sivkov K.V. (Eds) (1963) *Krest'yanskoe dvizhenie v Rossii v 1857 – mae 1861 gg.* [Peasant movement in Russia in 1857 – May 1861] : Collection of documents. Moscow : Publ. house of socio-economic literature. 882 p. (In Russian).
6. *RSFSR Criminal Code*. Moscow : State Publishing House of Legal Literature, 1952. 128 p. (In Russian).
7. *RSFSR Criminal Code*. Moscow : Spark Publ., 1996. 152 c. ISBN 5-87143-010-8. (In Russian).
8. Radygin A.D., Entov R.M., Mal'ginov G.N., et al. (2014) *Privatizatsiya v sovremennom mire: teoriya, empirika, «novoe izmerenie dlya Rossii* [Privatization in the modern world: Theory, empiricism, “a new dimension for Russia] : In 2 vols. Moscow : RANEPА Delo Publ. 488 p. ISBN 978-5-7749-0891-2. (In Russian).
9. Tagantsev N.S. (1994) *Russkoe ugolovnoe pravo. Lektsii : Chast' obshchaya* [Russian criminal law. Lectures: General Part]. In 2 vols. Vol. 2. Moscow : Nauka Publ. 393 p. ISBN 5-02-012940-2. (In Russian).